

Д.А. Кондаков

ИЗУЧЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Начинать рассматривать вопрос об изучении французской литературы в Республике Беларусь целесообразно, задав два ограничения. Во-первых, за точку отсчета будет принят 1992 год, то есть дата основания независимого государства. Во-вторых, будет проанализирована лишь научная составляющая этого процесса и оставлены в стороне такие важные формы знакомства с иноязычной литературой, как перевод и специфика университетских курсов. Причин подобных ограничений несколько, и все они взаимосвязаны. Проблема систематизации и анализа переводов французской художественной и научной гуманитарной литературы на белорусский язык, массива труднообозримого, размеченного по альманахам, журналам, сборникам, отдельным сериям, настойчиво требует особого рассмотрения, и более того, подвижника, который бы взялся для начала составить, а затем продолжать полную библиографию всех переводных публикаций, выявив наши национальные культурные предпочтения и лакуны¹. Преподавание иноязычной литературы зависит не только от количества и качества переводов, но и от степени ее освоенности наукой, и потому вопросы дидактики и методики преподавания так или иначе завязаны на научной проблематике.

Что касается временного ограничения, то оно самое значимое. До обретения Белорусской советской республикой независимости в наших университетах не осуществлялась подготовка специалистов по романо-германской филологии, так что литературоведческие штудии в «западном направлении» велись скорее не благодаря, а вопреки общей конъюнктуре людьми, приходившими в эту сферу из смежных гуманитарных областей. К концу 1980-х годов учеными республики было защищено лишь три кандидатских диссертации по соответствующей тематике [3, 4, 5], причем две из них, Т.В. Ковалевой и Т.Н. Тарасовой, были посвящены не специально зарубежной словесности, а ее типологическим связям с русской и белорусской литературами. Открытие в 1995 году в Белорусском государственном университете специальности «Романо-германская филология» (помимо прочих, французская) позволило создать задел в обеспечении этого вектора литературоведческих исследований квалифицированными кадрами. С этого момента до нынешнего дня по специальности «Литература народов стран зарубежья» (французская) было защищено семь кандидатских диссертаций [6 – 14], причем с 2004 года наблюдается отрадная периодичность – одна диссертация в год, по материалам этих исследований опубликовано несколько монографий [15, 16, 17].

Сделано, казалось бы, не так уж мало, если учитывать возраст самостоятельной белорусской романистики. Но совершенно недостаточно, если сопоставлять со значением французской литературы для мирового искусства слова в целом и отечественной изящной словесности в частности. При этом настораживает не темп научного роста, а некоторые общие его тенденции. До сих пор нет докторов по французской литературе и, насколько известно, разработкой тематики подобного уровня исследований никто активно не занимается. Нынешнюю ситуацию ссылкой на объяснение И.В. Шабловской, данное в 2001 году, – ограниченная востребованность гуманитарных наук в целом и наличие единственной кафедры зарубежной литературы в стране [18, с. 37] – целиком объяснить уже невозможно. Соответствующих кафедр в стране стало больше, подготовка специалистов в области романо-германской филологии перестала быть прерогативой Белорусского государственного университета, и постепенно укореняется осознание того, что полноценное изучение зарубежной литературы необходимо для всестороннего освещения и адекватного понимания литературы отечественной. В качестве иллюстрации этого процесса укажем на сборник «Еўрапейскі рамантызм і беларуская літаратура XIX–XX стагоддзяў» (2008) – коллективный труд Института языка и литературы НАН Беларуси, в котором зарубежная литература перестает быть фоном для отечественной, иноязычное и инокультурное рассматривается на равных правах с национальным.

В то же время книга выявляет определенные трудности в этих исследованиях. Ознакомившись с академическим сборником трудов, приходится констатировать, что французская литература известна в Беларуси лишь *a priori* как совокупность имен, заглавий, течений и направлений, но не как целостное явление, требующее одновременно концептуального подхода и пристального внимания к специфике творческого процесса на различных исторических этапах. Иначе невозможно объяснить отсутствие в упомянутом издании особого раздела, посвященного франко-белорусским литературным связям в XIX веке, при том что фактический материал по данной теме накоплен уже немалый (А.И. Мальдис,

¹ Справедливости ради стоит отметить, что подобный труд уже предпринимался [1, с. 471 – 476; 2, с. 471 – 486], однако были учтены отнюдь не все и, самое важное, не все первые переводные публикации произведений французских авторов.

Г.В. Киселев и др.), равно как и несостоятельное умаление самобытности французского романтизма, утверждение его зависимости от немецкого образца [19, с. 61]. Как представляется, новая мысль упирается в старую проблему национальной ментальности, названную В. Акудовичем «імкненнем да невыхаду за межы гэтай тоеснасці [з самім сабой] ў вонкавы, духоўна іншы кантэкст» [20, с. 76].

Преодоление этого препятствия в рамках изучения французской литературы возможно посредством практически бескорыстного, непосредственно не связанного ни субъективными художественными пристрастиями, ни с сиюминутными требованиями идеологии накопления фактического, подробного и детального знания, его систематизации. Но реализовать подобную задачу в атомизированном научном пространстве, где исследователи практически изолированы друг от друга, где мало инициатив, идущих «снизу», и создаваемых «сверху» больших координирующих программ, по меньшей мере затруднительно. И тем не менее реально, поскольку круг литературоведов-«франкоманов» обозрим, тогда как поле для деятельности огромно: из всех белорусских исследований по истории французской литературы только две диссертации, Г.М. Жак [6] и Н.В. Лидергос [14], были посвящены словесности «Старого порядка». А ведь литература «просвещенного века» и столетия, ему предшествующего, представляет интерес для белорусского исследователя не только сама по себе своей идейной многогранностью и художественной самобытностью, но также своими тесными связями с культурой Речи Посполитой.

Приступать к даже не очерченному до сих пор должным образом вопросу о связях «новой» белорусской литературы и французской литературы второй половины XVIII – начала XIX века невозможно без учета регионального, польско-российского контекста, через который в отечественную литературу нового этапа входили трактаты французских философов-просветителей, модные авантюрные и «чувствительные» романы, поэтические и драматические произведения, а также их переводы, критические замечания, интерпретации и оценки. Внимание именно к французской литературе и культуре в данном случае отнюдь не произвольное: рассматриваемый исторический период был отмечен известной модой на все французское. Франция рассматривалась как образец для подражания во всех сферах культуры для всех европейских наций – так, например, обрисовал ситуацию в Европе второй половины XVIII века в трактате «Париж, образец для иноземных наций, или Французская Европа» (*«Paris, modèle des nations étrangères, ou l'Europe française»*, 1776) современник «великой цивилизации», губернатор в доме польских магнатов Ржевуских Л.-А. Карачоли. Дух литературной и культурной моды был им передан верно и точно, а притягательность изящной (во всех значениях слова) и изысканной французской словесности, несмотря на политическую нестабильность в самой Франции рубежа XVIII–XIX веков, сказалась в той или иной мере на большинстве европейских стран и авторов.

Она не обошла и Беларусь, парадоксальным подтверждением чему может служить педагогическая деятельность иезуитов. Сами братья ставили во главу угла религиозное воспитание и основанное на нем литературное образование [21, р. 16], при этом после традиционно доминировавших в орденских учебных планах латыни и местного (польского) языка особое внимание уделялось французскому. На нем писались басни, оды, мадригалы и сонеты [22, р. 52 – 61, 103 – 108], как в дидактических целях, так и политических (для завоевания расположения российских монархов – сначала Екатерины II, затем Павла I), силами учеников ставились на предрождественских выступлениях пьесы. Такая подготовка, недостаточно учтенная в соответствующих исследованиях, не могла не оказать существенное влияние на художественный метод воспитанника Полоцкой академии Яна Барщевского, лучшей рекомендацией которому в глазах графа Генрика Ржевуского, наряду с патриотизмом, была степень кандидата, полученная у иезуитов.

Вообще через дом Ржевуских проходят многоязычные и многонациональные (польско-французские – Л.-А. Карачоли и Ржевуские, француско-польские – О. де Бальзак и Э. Ганская, польско-русские – К. Собаньска и А.С. Пушкин, польско-белорусские – Ржевуские и Ян Барщевский) литературные связи, выстраивающиеся в сложные конфигурации. Приведенный нами частный историко-литературный пример показывает еще одну неизбежную перспективную задачу белорусской романистики и, шире, всей романо-германской филологии в Беларуси, которая заключается в выработке новой методологии исследований для сложносоставных литературных явлений. Методом, который бы учитывал все аспекты франко-белорусских литературных связей, представляется изложенный в работах А.А. Гугнина [23; 24, с. 5 – 22] историко-контекстуальный подход. Он видится наиболее эффективным по ряду причин. Во-первых, он был разработан на материале серболужицкой литературы, складывавшейся в схожих с белорусскими социально-политическими и конфессиональными условиях. Во-вторых, этот метод предлагает взгляд на литературу как на живую и динамичную, сложносоставную систему, требует конкретного эмпирического материала и не ограничивается писателями так называемого «первого ряда», не игнорирует глубокий питательный слой художественной культуры – массовую литературу, деятельность литературных посредников (переводчиков, комментаторов, издателей, губернаторов, компиляторов и т.д.). В-третьих, изначально заявленный в качестве рабочего подхода [24, с. 12], историко-контекстуальный метод не исключает одновременного сочетания с другими методиками и подходами. В-четвертых, он предполагает

если уж не равное знание принятых к сравнению литератур, то, как минимум, одинаковое внимание к обеим.

Историко-контекстуальный подход, как уже было сказано, не может и не должен рассматриваться как единственный спасительный для филологии метод. Его преимущество в том, что он мог бы объединить исторический подход с иными языками описания феноменов литературы. Это насущнейшая необходимость в условиях кризиса теории, связанного как с разрушением односторонней, но целостной марксистской эстетики, так и с подрывом доверия ко всем метаязыкам, объявленным французскими постструктуралистами «закатом метанарраций». То, что поиск в этом направлении уже идет, доказывают некоторые из отечественных диссертационных исследований, пусть их методологические находки не всегда кажутся убедительными. Так, Н.А. Шакель стремился сочетать исторический (А.Н. Веселовский, В.М. Жирмунский) и внеисторический (Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Деррида) подходы [8, с. 2]; Е.А. Борисева сводила под единым ярлыком «концепции диалогичности художественного мышления» не вполне совместимые теории М.М. Бахтина и Ю. Кристевой [10, с. 3]. Подобные поиски новой методологии, разумеется, не должны ни вестись, ни восприниматься как эклектичные. Они вполне могут и должны вписываться в русло новых веяний в гуманитарных науках, прежде всего в интересующих нас Франции и России, где на рубеже XX–XXI веков в работах крупнейших филологов (Ж. Женетта, Ц. Тодорова, Ю.М. Лотмана) наметились тенденции историзации и «гуманизации», отход от наиболее радикальных, «механистических» положений формализма и структурализма.

Еще одним перспективным направлением в изучении белорусами французской литературы представляется рассмотрение отраженных в ней культурных стереотипов в восприятии нашей страны. Если мемуарная и дневниковая литература на французском языке о Беларуси удостаивалась интереса со стороны отечественных исследователей [25, с. 77 – 79, 115 – 116], то художественные произведения оставались в стороне, прежде всего из-за зависимости от литературного канона, излишнего внимания к главным именам и магистральным проблемам. Однако именно среди малоизвестных, «забытых» по разным причинам авторов обнаруживаются те, кто обращался к изображению природного или культурного пространства Беларуси. Оно выполняло различные функции, представлялось при помощи различных средств и приемов самыми разными по своей творческой манере писателями. Внимательное исследование динамики этого художественного пространства может многое разъяснить не только в отдельных произведениях, но и точнее представить взаимодействие и смену некоторых художественных направлений во французской и европейской литературах.

Наиболее продуктивным в этом отношении видится обращение к XIX веку. В его первом десятилетии гувернер в семье Радзивиллов шевалье де Будон, хорошо знакомый с местной средой и ее обитателями, пишет и издает в Вильно эпистолярный роман с посвящением княжне Юлии Радзивилл из Аннополя – «Литовские письма, или Переписка двух друзей, живущих на берегах Птичи в одной литовской провинции» (*«Lettres Lithuaniennes, ou Correspondance de deux amis habitants des bords de la Ptycz dans une contrée de la Lithuanie»*, 1809). В этом произведении природное пространство почти лишено конкретности, в нем мало узнаваемых деталей, однако оно играет важную роль в мотивации и проявлении «естественного» дружеского чувства, нравственной добродетели главных героев. Гораздо более подробно описан Полоцк в музыкальной пьесе Э. Скриба «Пиковая дама» (*«La Dame de Pique»*, 1851). Но само описание, богатое на чудесные, фантастические детали, лишено всякой достоверности и никак не связано с реальным Полоцком, который даже в середине XVIII века, когда происходит действие пьесы, не был «русской деревней на границе с Польшей» [26, р. 2]. Очевидно, что художественное пространство, созданное Скрибом, ориентировано на культурные клише и стереотипы французской публики «больших бульваров» середины XIX столетия, раскрывать которые через литературные произведения – задача, не окончательно решенная и в самой Франции. Наконец, в 1896 году А. Жарри создает первую пьесу из знаменитого цикла о папаше Убю «Король Убю» (*«Ubu le roi»*, 1896). В ней белорусские топонимы, Полоцк и Витебск, помещены в еще более условное пространство Польши, страны, которая воплощает, по мысли драматурга, всякое место, «Нигде» (*«Nulle Part»*) [27, р. 401].

Три названных произведения, созданные на протяжении одного века, представляют собой лишь опорные точки для возможного ширококомасштабного исследования, материалы к которому (кроме художественных произведений, письма, мемуары, дневники, путевые заметки, прочие бытовые тексты) можно обнаружить не только в приведенном в пример XIX столетии, но также и в последующие и предыдущие исторические периоды.

Подводя итог этому небольшому аналитическому обзору и намечая перспективный план возможных исследований, необходимо констатировать, что изучение французской литературы в Беларуси пока диспропорционально – как в соотношении освоенности разных исторических периодов, так и в соотношении количества исследований и их качества. Только от нас самих зависит, сможем ли мы извлечь из неприятной ситуации нечто позитивное, преобразовать ее в кризис роста, или же она станет признаком упадка, который сделает французскую литературу в Беларуси ненужной экзотикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баршчэўскі, Л. Літаратура ад старажытнасці да пачатку эпохі рамантызму: папулярныя нарысы / Л. Баршчэўскі. – Мінск: Сэр-Віт, 2003. – 510 с.
2. Баршчэўскі, Л. Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён: папулярныя нарысы / Л. Баршчэўскі, П. Васючэнка, М. Тычына. – Мінск: Радыёла-плюс, 2006. – 596 с.
3. Ковалева, Т.В. Тургенев и Жорж Санд: проблема идейно-художественного своеобразия: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Т.В. Ковалева; БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1974. – 24 с.
4. Тарасова, Т.Н. Проблема «человек и война» в творчестве Максима Горького и Анри Барбюса: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03; 10.01.05 / Т.Н. Тарасова; Акад. наук БССР, Ин-т лит. им. Я. Коласа. – Минск, 1986. – 20 с.
5. Логиш, С.В. Импрессионизм в творчестве Поля Верлена: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / С.В. Логиш; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1987. – 24 с.
6. Жак, Г.М. Либертинаж во французской поэзии первой трети XVII века: философия и поэтика: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Г.М. Жак; БГУ. – М., 2000. – 23 с.
7. Студенко, Т.С. Гюстав Флобер и Генри Джеймс: эволюция повествовательной техники на рубеже XIX–XX веков: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Т.С. Студенко; БГУ. – Минск, 2002. – 20 с. (защита 24.02.2002)
8. Шакель, М.А. Творчая эвалюцыя Жарыса-Карла Гюісманса: аўтарэф. ... канд. філал. навук: 10.01.03 / М.А. Шакель; БДУ. – Мінск, 2004. – 20 с. (абарона 28.04.2004)
9. Кондаков, Д.А. Творчество Эжена Ионеско в контексте идейно-художественных исканий европейской литературы XX века: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Д.А. Кондаков; БГУ. – Минск, 2005. – 21 с. (защита 22.12.2005)
10. Борисеева, Е.А. Ромен Гари / Эмиль Ажар: феномен творческой индивидуальности: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.А. Борисеева; БГУ. – Минск, 2006. – 21 с. (защита 8.12.2006)
11. Богданович, С.Э. Современный французский исторический роман (на примере творчества Робера Мерля): автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / С.Э. Богданович; БГУ. – Минск, 2007. – 21 с. (защита 18.06.2007)
12. Гончар, С.В. Миф Наполеона во французской, польской и русской литературах XIX века: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / С.В. Гончар; БГУ. – Минск, 2008. – 21 с. (защита 26.09.2008)
13. Жылёвіч, В.Ф. Раман-прытча ў французскай літаратуры другой паловы XX стагоддзя (Ж.-М.Г. Леклезіё і М. Турнье): аўтарэф. ... канд. філал. навук: 10.01.03 / В.Ф. Жылёвіч; БДУ. – Мінск, 2008. – 24 с. (абарона 27.02.2009)
14. Лидергос, Н.В. Художественная парадигма романов Кребийона-сына: автореф. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Н.В. Лидергос; БГУ. – Минск, 2009. – 25 с. (защита 29.01.2010)
15. Студенко, Т.С. Эстетика импрессионизма в творчестве Э. Золя / Т.С. Студенко. – Минск: Беларус. гос. ун-т, 2004. – 80 с.
16. Гончар, С.В. Миф Наполеона во французской, польской и русской литературах XIX века / С.В. Гончар; под общ. ред. С.Ф. Мусиенко. – Гродно, 2008. – 127 с.
17. Кондаков, Д.А. Творчество Эжена Ионеско в контексте идейно-художественных исканий европейской литературы XX века / Д.А. Кондаков. – Новополоцк: ПГУ, 2008. – 188 с.
18. Шаблюўская, І.В. Кафедра замежнай літаратуры ў новым стагоддзі / І.В. Шаблюўская // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2001. – № 4. – С. 36 – 42.
19. Еўрапейскі рамантызм і беларуская літаратура XIX–XX стст. / Ж.С. Шаладонава [і інш.]; навук. рэд. У.І. Мархель; НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 363 с.
20. Акудовіч, В.В. Код адсутнасці. Асновы беларускай ментальнасці / В.В. Акудовіч. – Мінск: Логвінаў, 2007. – 196 с.
21. [Rozaven, Jean-Louis de Leissègues de]. La vérité défendue et prouvée par les faits contre les calomnies anciennes et nouvelles / [Jean-Louis de Leissègues de Rozaven]. – Polock, 1817. – 176 p.
22. Recueil de pensée de Cicéron, de Maximes morales, de petits contes également propres à amuser & à inspirer le goût de la vertu, de Devoir de l'homme, de religion en général, de Droit naturel, de Fables, de Lettres, de narrations, de harangues, de poésies tirées des meilleurs auteurs, d'histoires de quatre premières monarchies. A l'usage de la jeune noblesse, qui étudie la langue française. Seconde partie. – A Polotsk, dans l'imprimerie du collège de la Compagnie de Jésus, 1798. – 146 p.
23. Гугнин, А.А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте: науч. доклад ... д-ра филол. наук: 10.01.05 / А.А. Гугнин; Ин-т славяноведения РАН. – М., 1998. – 77 с.
24. Гугнин, А.А. Серболужицкая литература XX века в славяно-германском контексте / А.А. Гугнин. – М.: Индрик, 2001. – 180 с.

25. Грыцкевіч, В.П. Шляхі вялі праз Беларусь: Нарыс / В.П. Грыцкевіч, А.В. Мальдзіс. – Мінск: Маст. літ., 1980. – 272 с.
26. Scribe, E. La Dame de Pique / E. Scribe. – Paris: Brandus et Cie, 1851. – 50 p.
27. Jarry, A. Œuvres complètes / A. Jarry ; textes établis, présentés et annotés par M. Arrivé. – Paris: Gallimard, 1972. – P. XLVIII–1317. (Coll. "Bibliothèque de la Pléiade").